

Игорь Касьянов

16+

Круговорот

Игорь Касьянов

Круговорот

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Касьянов И.

Круговорот / И. Касьянов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Могут ли люди с сверхестественными способностями жить рядом с нами? А являются ли они людьми? Благо они несут окружающим или зло? Книга об этом...

Игорь Касьянов

Круговорот

Глава 1.

Наконец Мария подошла к собору, взглянула вверх на внушительные купола, выдохнула и, трижды перекрестившись, поклонилась храму.

Путь был долгим, почти все жители улицы шли с самой Карачевки, и за три часа организованная изначально колонна растянулась на большое расстояние. Негласный староста улицы – Семен Кавун, уже стоял с мужиками у собора, курил самокрутку и поджидал односельчан. Увидев Марию он махнул ей рукой, подзывая к себе.

– Шо, Машка, добралАся? – улыбнулся он. – Иди, вон, до Ульянки, а то ей, поди, одной скуШно, бабы Ще не скоро доплетутся.

Ульяна была женой Семена. Везучей бабой. Со всей улицы с фронта недавно вернулся только Семен. Правда, без одного глаза и с осколком в голове, но это было настоящее счастье, и все женщины как тайно, так и открыто завидовали Ульяне. В конце сорок четвертого, правда, привезли Мишку Колосова, но тот, бывший танкист, был без обеих ног, почти весь обожжен, полностью глух и практически лишен здравого ума. Часто проходя мимо дома Колосовых, Мария слышала, как тот дико орет, что-то бьет в доме и ругается на непонятных людей, по непонятным причинам. Тамарка Колосова в таких случаях выбегала из дома, садилась прямо на землю у стены дома и долго горестно рыдала...

Война закончилась год назад, но бабы все еще ждали своих мужиков: отцов, мужей и детей... Ждали возвращающихся из плена, угнанных на работы и просто пропавших в военной суете людей. Ждали с надеждой, любовью и верой...

За время немецкой оккупации Харькова единственной положительным, по мнению Марии, моментом было восстановление богослужения в церквях. Люди вновь потихоньку потянулись к Богу, а в такое тяжелое и смертоносное время без Бога жить тяжело, просить о помощи и заступничестве некого да и надеяться было как-то легче. Харьковчане постепенно вымели навоз из ставших конюшнями церквей, принесли иконы, кто какие мог. Возвратились в храмы и священники.

Конечно, у каждого села и деревни была своя, «родимая» церквушка, и помолиться за здоровье или упокой селяне приходили туда, но вчера стало известно, что самому большому и красивому собору Харькова – Благовещенскому, было присвоено звание кафедрального. Это значительно меняло его вес в церковной иерархии, и жители улицы решили лично прийти на его первую службу в новом статусе и поклониться святым мощам.

– О, Мария, вот и ты! Дошла-таки? Ноги болят? -поприветствовала Ульяна Марию и тут же дала легкую затрешину своему сорванцу, семилетнему Ваське, непонятно почему скрутившему дулю при виде Маши.

– Да дошла, с Божьей помощью. Ну и собориШа, ну и красотиШа! Второй раз тут. Интересно в мире где-то есть еще такие громадины? И не разбомбило Слава Богу! Бережет заступник лепоту такую!

– Семен рассказывал: в Неметчине и Польяндии тоже такие есть да побольше даже, но наш, говорит, самый красивый. Еще б заправку машинную от алтаря убрали, а то ничего святого нет...

– Ты бы про святое, Ульяна, не особо заикалась. Глядишь, прочуютЬ недобрые люди да сдадут кому следует, про речи твои, сама знаешь, как власть к таким речам относится... Чи не настрадалась еще?

– Но оно верно, конеШно. Ну ты не сдашь, а от других Господь ответет...

Бабы задрали голову и начали любоваться орнаментом крестов и красками куполов, блестящих на восходящем солнце.

В это время к стоящим людям начали подходить отставшие жители улицы. Кто-то шел с котомкой, в которую собрал имевшуюся у него нехитрую снедь, желая освятить ее в главном соборе, кто-то просто нес с собой в кубышке соль, кто-то вещи любимых людей. Некоторые шли с пустыми руками.

Шествие замыкала Клавдия Щурова, которая за одну руку тянула свою единственную, двадцатипятилетнюю дочь Катьку, а за вторую внука Петьку.

– Ооо, малохольные дошлепалЫ... Да Ще и вышкварка свОго принянулЫ...

Ульяна с семьей Клавдии были не в ладах давно. Еще ее мать в девичестве поссорилась с Клавой из-за отца Катьки. Дело даже до драк доходило. Все село эту историю перемывало вдоль и поперек, но в итоге широкоплечий, кудрявый красавец Иван Щуров из зажиточной семьи достался Клавдии. Была сыграна свадьба, на которую по родственно-политическим соображениям половина села пришла, а половина нет, и вскоре родилась Катерина Щурова. Конфликт со временем перешел в тихую неприязнь, но оскорблений и гадости было уже нанесено очень много, и позиционная война между семьями продолжалась.

Катька с рождения была очень красивой девочкой. Балованной и любимой. Отец по абсолютно не логичным причинам умудрился из кулаков стать комиссаром и добиться серьезной должности в Харьковском ЧК. Жили Щуровы хорошо, и девочка всегда, в отличии от своих сверстников, получала то, что хотела. Лучшая кофточка или сапожки- это у Катьки Щуровой, брошка с ювелирки на Блажке – тоже у Катьки, внимание мальчишек – да, только ей!

Зазнавшаяся росла деваха и земли под ногами не чувствовала. Ровесники ей завидовали, взрослые (из-за отца) побаивались, старики вздыхали, плевались и качали головами. Были на то особые причины...

Как-то раз, в весеннее половодье, сельская пяти-шестилетняя малышня, игравшая на улице без присмотра занятых да работающих родителей, без какого-то ни было разрешения подалась на Уды. Что там уж произошло, точно никто не знает, да одна из девчушек – Настька Пролисова, возьми да и упали в воду. Течение в ту пору было быстрое, но девчонке повезло – схватилась за ветку и вроде как удержалась. Остальные ребята, даже в свои ранние годы, беду осознали и побежали в село за помощью. По дороге им встретилась не весть что там делавшая восемнадцатилетняя Катька Щурова. Она выслушала сбивчивые объяснения детишек и вроде как даже побежала с ними к реке, но увидев, что Настька находится от берега на приличном, в пару метров, расстоянии, в воду лезть отказалась.

– Судьба ее такая, – сказала она, – а мне еще жить да жить.

Шестилетний Димка Карасев, не слушая «тетю», все же полез в реку спасать подругу. Тела обоих так и не нашли...

Историю эту все знали из рассказов выживших детей, которые со слезами и истериками преподносили ее по-разному ввиду, видимо, детского испуга. Катька же все отрицала и говорила о том, что пришла к реке уже после того, как ребята утонули...

Да еще за пару лет до этого в село к родственникам приехала спасавшаяся от каких-то репрессий семья московских врачей. С ними приехала дочка – Виктория. Красавица, каких не сыщешь. Катька тоже была девчонка видная, но в Вике чувствовалась «порода», стать что ли. Держалась она скромно, но с достоинством. Отвечала всегда вежливо, но четко, как кнутом стегала. Все парни в селе вмиг вокруг ее двора крутиться начали.

Катьку это задело.

Как-то в один из вечеров она в окружении своих подружек-гиен пришла к двору Виктории, где та уже сидела на лавочке, слушая гармонные наигрыши местных умельцев.

– Ооо! Посреди хлева – одна королева! – начала она сходу. – Солнышко пригрело, где-то припотело?

Гармонь затихла, парни насупились, прихвостни засмеялись.

– Что в рот воды набрала, вражина народная? Припряталась у нас от власти Советской в пользу контры немецкой? – нараспев продолжала она (это как раз у Катьки выходило хватко). – Так мы тебя быстро на место поставим, хлеб растить заставим!

Вика встала, молча подошла в Катьке, взглянула на нее сверху вниз и произнесла:

– Я смотрю у нас тут курица – одна на всю улицу, петушков потеряла да кудахтать громко стала?

– Ах ты, сучка кацапская, – заорала Катька и бросилась на противницу.

Однако Вика не растерялась, и одним точным, не свойственным даже сельским мужикам, не то что девчонкам, ударом в подбородок свалила Катьку на землю. Катька упала и на несколько секунд потеряла сознание. Уже потом стало известно, что отец Вики, помимо врачебной практики, был еще и тренером по боксу, и видимо, обучил свою единственную дочурку приемам защиты.

Мальчишки били Катю по щекам, девчонки дули ей в лицо, и через некоторое время она пришла в себя. Грязная, испуганная, посрамленная, она злобно взглянула на Вику и убежала.

Как уж там да что, толком никто в селе не знал, но на следующее утро в дом приехал «воронок», семейство врачей погрузили в него и увезли.

Местный участковый уполномоченный потом рассказывал, что лично видел, как отца Викторией расстреляли во дворе Совнаркомовской. Что случилось с его женой и Викторией никто так и не узнал...

Но в начале сорок первого года, еще до войны, произошло странное событие, которое перевернуло судьбу семьи Щуровых наизнанку. По стечению обстоятельств Мария была свидетелем начала этих событий, продолжения толком не знал никто, и сама история обросла различными слухами и секретами.

А случилось следующее.

В один из весенних, уже теплых дней, Мария с другими деревенскими бабами была на речке, где в еще холодной, апрельской воде, стирала давно засаленное белье. Был самый обычный день и женщины, обсуждая последние сплетни, собрались на постирушки, хохоча и подначивая друг друга, наслаждаясь концом долгой и холодной зимы. Рядом ползали и весело игрались мальцы, которых не с кем было оставить дома. Более старшие братья и сестры приглядывали за ними, периодически занимаясь бросанием комьев земли в плавающих у берега уток.

Недалеко от них, на поваленной прошлогодней бурей иве сидела молодежь во главе с Катькой. Один из парней, кто конкретно, Мария уже не помнила, заливался соловьем под трехрядку. Кто-то подпевал, кто-то смеялся и болтал, кто-то втихаря «накатывал» стащенный у бати самогон. В общем день был обычным.

Внезапно, на дороге, что шла вдоль реки, показались слепые лирники. Давно уже никто на дорогах Украины их не видел. Поговаривали, что НКВДшники еще лет десять назад собрали оставшихся кобзарей и кого расстреляли, кого в Сибирь-матушку отправили, но правды не знал никто. Видение было редкое и в какой-то степени шокирующее.

Слепых было трое. Они шли по дороге медленным шагом и что-то тихо подвывали себе под нос.

Первым шел достаточно молодой человек, возраст которого определить было невозможно из-за густой растительности на лице. Он же катил перед собой небольшую тачку с какими-то пожитками. За ним, держа ведущего левой рукой за плечо, шел древний старик, за которым также, держась за плечо, следовал мужчина средних лет, и у него за спиной висела старая, выдавшая виды бандура.

Дойдя до замолчавших при их появлении женщин, молодой слепец остановился и произнес:

– Люди добрые! Подскажите, мы в Харьков верно идем?

– Верно, – ответил кто-то из баб на реке.

– Люди добрые, не сочтите за нахальство, может найдется что поесть да выпить, второй день неевши... А мы Вам за это песен споем да историй расскажем. Богу помолимся и на всем пути до Полтавы о Вашей доброте говорить будем.

С этими словами лирники остановились, рассоединились и сели у дороги. Бабы подзвали детей и отправили домой, приказав принести снеди странникам. Годы те были сытыми, не в пример нынешним. Люди наконец забыли бесконечный страх и тревожность гражданской войны. Село начало обрастать хоть и не дореволюционным, но жирком.

Потихоньку все вернулись к тем делам, которыми занимались до появления слепых. А артисты достали бандуру и забрынчали на ней какую-то заунывную мелодию. Средний играл, молодой пел. Старик сидел чуть поодаль и молча «смотрел» на реку, видимо слушая звук ее течения. Мария тогда не обращала внимание на то, что делает Катька, не до того было, да и причин внимание уделять ей не было...

Примерно через полчаса прибежала малышня и принесла с собой еду, молоко и кое-какую одежду. Слепые поблагодарили всех присутствующих и, отложив инструмент, начали обедать. Точнее младший со средним ели, а дед, оторвав краюху от каравая, подошел к реке и, кроша его, начал кидать уткам.

– Ты что ж, старая контра, делаешь? – внезапно раздался Катькин голос.

Мария оторвалась от белья и взглянула в сторону молодежи.

Щурова прыгнула с дерева и с деловым видом подошла к старику.

– Ты его сажал? Ты растил? Тебе кто право дал в воду хлеб бросать?

– Катюш, да ты чего! Не надо! – зашебетала подбежавшая к Кате чернявая девчонка Тонька, кузнеца Михаила дочь. – Дался он тебе?

– А ты, Антонина, молчи! Тебе слова не давали! Эти бандуристы-пианисты вне закона давно. Мне батя про них рассказывал. Они песенки свои распивают и власть советскую поносят, за что их всех в лагеря надо на перевоспитание. А он, вон гляди, еще и утятку хлебом не своим закармливает. А ну собрались! Пошли отсюда, голытьба антисоветская, а то сейчас до папки сбегая, будут вам печки-лавочки.

Катька явно выживалась перед собравшимися. Любила она дело это, а противиться никто не стал. Страшны были истории про дела ЧК, и лезть не в свое дело никто не хотел.

Молодой слепец встал и сказал:

– Паночка, милая, не кричите так. Все мы поняли, все осознали. Сейчас соберемся и уйдем. Больше вы нас и не увидите.

С этими словами он запихнул кусок соленого огурца себе в рот и стал собирать снесь в платок. Средний слепец также поднялся и молча начал собирать свой инструмент.

Старик с места не тронулся и занятия своего не прекратил. Он также монотонно отламывал кусочки хлеба и бросал их радостно дравшимся за них уткам в воду.

– Ты что, пень старый, к глазам еще и слух потерял? – еще более злобно продолжила свои нападки Катька. – А ну немедленно пШёл вон отсЕдаВо!

Но старик с места не сдвинулся, и реакции не последовало.

– Ах, так! – крикнула Катька и, разбежавшись, двумя руками толкнула старика в воду.

К слову сказать, берег реки был почти пологим. Берег от воды отделял небольшой обрывчик, по колено, ну а дальше глубины особой не было.

Старик плашмя рухнул в воду прямо на расплывающихся во все стороны уток. Бабы дружно охнули. Кто-то из детей коротко засмеялся, но тут же раздался звук оплеухи и смех утих.

– Эй, что там? Что там? – заперевивал молодой слепец. – Вы что там учудили? Дед Михей! Дед Михей!

Дед Михей несколько секунд пролежал в воде, не поднимая из нее лица, и Марусе уже начало казаться, что он так и утонет, не вставая, но внезапно он вынул голову из воды, потрусил ей из стороны в сторону, а затем медленно, кряхтя, встал и повернулся к Катьке. На лице его играла спокойная улыбка. Старик подошел к обрывчику, оперся руками и вылез на берег.

– Вы что наделали? Вы что наделали?, – не успокаивался молодой слепец. – Вы что, Михея обидели? Михея нельзя обижать! Он же ничего плохого Вам – то и не сделал. Дед Михей, с тобой все в порядке?

– Порядок, – коротко ответил дед. – Вот я тебя и нашел!

И с этими словами Михей двинулся к Катьке. Шаги его были уверенные. Белесые от катаракты глаза смотрели прямо на девушку.

– А ну стой, бичара! – сказала чуть испуганным голосом Катька. – Стой, говорю!

Но Михей за несколько довольно быстрых, не свойственных слепому и старому человеку шагов подошел к ней вплотную и хриплым голосом произнес:

– Вот и все! Круговороту быть!

Затем он резко, по-молодецки, схватил Катьку левой рукой за шею, а правой в ее платье на уровне живота и впился своими губами в ее. Катька не сопротивлялась, даже обмякла как-то. Все окружающие замерли, не понимая, что именно надо делать.

– Круговорот! – запричитал молодой певец. – Слышь, Алексей, круговорот!

После чего, нагнувшись, несколько раз ударив по земле рукой в поисках спутника и найдя его, поднял за шиворот и потянул в сторону дороги.

– Бандуру! Бандуру! – заверещал тот.

Молодой бросил ворот поднятого, еще раз нагнулся, нащупал и поднял с земли инструмент, после чего схватил Алексея за руку и бросив все свои пожитки и принесенную провизию, а также полностью забыв о старике, начали быстрым шагом удаляться по дороге в сторону Харькова.

Старик тем временем отпустил девушку. Несколько раз глубоко вздохнул, а затем захрипел и упал на землю.

Все посмотрели на Катьку.

Катя стояла с широко открытыми глазами, опущенными руками и смотрела на реку. Затем как бы опомнившись, огляделась по сторонам и дико закричала. Крик был настолько диким и неестественным, что по телу у Марьи пробежала дрожь. Малыши на берегу начали орать и плакать. Тонька, стоявшая возле Кати, присела на корточки и зажала уши.

Крик длился не долго. Катька замолчала также резко, как и закричала, а затем, развернувшись, бросилась бегом по дороге вслед уже скрывшимся бандуристам.

Некоторое время никто не двигался. Затем кто-то из молодых парней подошел к деду и перевернул его лицом к небу.

Он был мертв.

Далее началась суета. Кто-то побежал вслед за Катькой по дороге, кто-то рванул в деревню к ее родителям. Бабы с малыши детьми, которые не желали успокаиваться, потянули их домой. Стирка закончилась недостиженным бельем.

Катьку искали несколько дней. Всем селом. Помощь оказывали прибывшие красноармейцы. Конные разъезды были направлены во все стороны, но ни Катьки, ни бандуристов никто не обнаружил. Иван Щуров несколько раз опросил всех присутствующих, включая детей. Непонятно почему угрожал всем расправой, но через неделю утих и запил.

Запой Ивана тоже продолжался недолго. Примерно через месяц он в пьяном угаре упал с коня, поломал себе шею и умер, так и не узнав судьбу своей дочери.

А судьба была странной и ужасной...

Катька вернулась чуть меньше чем через год, уже в разгар войны. Босая. Грязная. В ошметках одежды. Абсолютно сумасшедшая. С младенцем на руках.

Девушка ни на какие вопросы не отвечала. Невпопад говорила какие-то несвязанные фразы. Прижимала к себе и не отпускала дитя, разумно относясь только к его кормлению.

Щуровы водили Катерину к различным докторам, водили докторов к ней. Никто ничего объяснить не смог. Затем начали обращаться к «бабкам», но те, выполнив свои обычные ритуалы, так ничем и не помогли.

Слухов и предположений вокруг этой истории ходило много. Кто говорил, что Катька раскаялась и побежала извиняться перед лирниками, а молодой, разозлившись, насильничал ее. Даже вроде бы кто-то знал кого-то, кто видел эти события. Но конкретно свидетель не упоминался. Ходили слухи, что ее подобрала банда молодчиков, которые лютовали в те годы на Основе, а потом частично были задержаны, а частично разбежались в разные области. Говорили о том, что это немцы сделали в первые дни войны, но тут версия по срокам не сходилась.

В общем обсуждения были разные, но правды так никто и не узнал. Однако странность этих событий иногда, особенно темными вечерами, обрастала и всякими загробными историями, вследствие чего к Щуровым стали относиться с какой-то необъяснимой религиозной опаской.

Постепенно ажиотаж вокруг Катьки стих, и она стала обычной юродивой, какие встречаются в каждом селе. Мальчишку назвали Петей. Семья захирела. Обособилась.

Ну, а далее закрутился уже начавшийся вихрь войны, и всем стало не до Щуровых и Катьки. Боль и страдания пришли в каждый дом.

Щуровы показывались редко. Мальчишку было видно еще реже. Со сверстниками он не общался, вместе ни с кем не гулял...

Внезапно вспомнив о давно произошедших событиях, Мария вновь обратила взгляд к куполам и трижды перекрестилась.

Тем временем Клавдия подошла к церкви, также перекрестилась и до земли поклонилась храму, при этом отпустив и Петю, и Катю. Петька, симпатичный чернявый мальчишка, тут же уселся на землю, достал из кармашка деревянного петушка и запрыгал им по земле. Катя стояла спиной к храму и невидящим, обычным взглядом смотрела вдаль. Из ее рта лилась тонкая струйка слюны.

Жители улицы, да и вообще жители села, кто шел в этот день к церкви, собрались к открытию. Людей было немного. Времена были смутные, а атеистическая идеология страны сильная. Народ еще боялся открыто наведываться к Богу...

Отстояли службу, причастились, исповедались.

Выйдя на улицу и зайдя за ограду церкви, женщины достали снесь и прямо на земле устроили спонтанный завтрак. Мужики достали бутылку с самогоном. Закурили. Пошла обычная деревенская беседа, периодически прерываемая восторженными замечаниями о храме.

Мария сидела на земле и ела принесенное с собой, уже освященное яйцо. Мысли ее были далеко от собравшихся и витали вокруг прошлого посещения собора. Тогда, почти пятнадцать лет назад, они с Еремой только поженились и казалось их счастьем конца и края не будет.

Ерема был единственным жителем села в то время, которого взяли рабочим на только что открывшийся тракторный завод, и он через два дня после свадьбы пригласил невесту на торжественный выпуск первого трактора. Народу была масса, все радовались и ликовали. А затем друзья Еремы из города на имевшейся у них бричке в пьяном и раздольном угаре поехали в центр города кататься, радостно выкрикивая: «Ура ХТЗ! Ура новым мощностям!»

Остановились они только у Благовещенского собора, куда приехали специально, показать его Марии, ранее за пределы села практически не выбиравшейся. Машу поразили огромные размеры храма, его величие и красота. Правда, неприятным был тот факт, что из него постоянно таскали канистры с топливом и заправляли подъезжавшие автомобили, так как в храме располагалось то ли хранилище, то ли заправка, но в тот момент Марию это особо не смущало. Стояло бабье лето, и о плохом думать не хотелось. Харьков был огромен, красив и расцветал

на глазах, превращаясь, пусть из бывшего столичного, но довольно обычного города, в промышленный гигант, с постоянно открывающимися заводами и даже появившимся в прошлом году аэропортом.

Чудесное было время! Межвоенное. По-молодецки беззаботное...

Через восемь лет Ерему мобилизовали и направили в армию. Сначала письма шли бойко, и муж рассказывал о многочисленной, уверенной и современной советской армии. Потом весточки стали приходить реже и становились все скуднее и печальнее. Ерема находился где-то в Финляндии, в каждом письме сообщая о многочисленных потерях и серьезном сопротивлении маленького суомского народа. Вскоре письма приходить перестали, а в конце сорокового года в село проездом посетил солдат, имени которого Мария не запомнила, и сообщил, что Ерема погиб в финских болотах, спасая ему жизнь. Привез с собой пуховый платок, пятьсот рублей деньгами и запачканную серую медальку мужа. Крепко обнял Марию, произнес: «Не обессудь, родная», развернулся и был таков. Более Мария замуж так и не вышла, да, как видно, и не выйдет уже...

– Ты что же, поганец, делаешь? – раздался громкий женский крик.

Мария оторвалась от воспоминаний и посмотрела на завтракавших односельчан. За спинами у родителей, под деревом стояли Ульяновкин Васька и младший Щуров. Васька держал в руках деревянного петушка Пети, и орал «как резаный», а тот, схватив обеими руками обидчика за волосы, тянул его вниз к земле. С чего конкретно началась между ними ссора, Мария не видела, но скорее всего шкодник Васька, вечно ссорящийся со всеми детьми на улице, забрал у малыша его игрушку, ну а Петр, проявляя свое мальчишеское нутро, естественно ответил на обиду.

Ульяна мгновенно подбежала к детям и с силой дала маленькому Петьке по заднице. Мальчик отпустил Василия, поднял глаза на Ульяну, и из его глаз потекли слезы. Взгляд его был такой чистый и по-детски наивный, что у Марии, не имевшей детей, но очень их желавшей, сердце сжалось от жалости.

Где в этот момент была Клавдия, Мария не видела. Видимо, отошла от всех по какой-то своей нужде.

– Шо ты смотришь на меня, ублюдок малой? Ишь ты, что удумал, дЫТЫну за волосы таскать! Одно слово – Щуровское отродье!

– Да ты что, Ульяна, успокойся, – попытался усадить жену Семен, ребятня сама разберется!

– А ты не лезь! Его дитяти клоками шевелюру рвут, а ему лишь бы горилку заливать. Стой ото, помалкивай!

Семен махнул рукой, что-то помолвил про «баб» и этой же рукой сделал жест, указывающий, что пора налить еще по чарке.

Ульяна была баба дородная, настоящая Некрасовская женщина. На улице ее побаивались все, так как спуску она не давала никому. Кавуны были людьми уважаемыми и слова поперек им сказать никто не мог. В связи с этим, на плачущего мальчишку все смотрели с горечью, но поддержать никто не решился.

Внезапно, откуда-то из-за спины Марии, стрелой выскочила сумасшедшая Катька. Как немецкая пуля подбежала она к Ульяне и впилась ногтями ей в лицо.

Бабы закричали. Семен поперхнулся выпиваемой в этот момент чаркой и закашлял, выплевывая видимо пошедшую «не в то горло» водку. Мария остолбенела и уставилась на происходящее.

Однако Ульяна не растерялась. Отбив левой рукой обе Катькиных, она своей могучей правой ладонью наотмашь всадила ей по левой щеке. Катька мгновенно завалилась на землю, ударилась головой о землю и затихла. Вокруг ее головы начало расплзаться багровое пятно.

– Ах ты, дрянь такая! – раздался еще один женский крик, и сзади на Ульяну налетела неведомо откуда появившаяся Клавдия, которая вцепилась ей в волосы. Она была тоже женщиной крупной, и, используя свое преимущество во внезапности, умудрилась сбить Ульяну с ног и повалить на землю, упав на нее сверху. Держа соперницу руками за волосы, Клавдия начала бить ее головой о булыжники мостовой.

Тут наконец в конфликт вмешался откашлявшийся Семен. Он двумя руками оторвал от жены руки Клавдии и оттолкнул ее в сторону.

– А ну разошлись, кобылицы. Перед церквой в рукопашную пошли. Конец войне уже! Бегом давайте!

Ульяна была намного моложе Клавдии и поднялась с земли довольно быстро. Не обращая никакого внимания на мужа, она подбежала к лежащей женщине и со всего размаха ударила ее обутой в сапог ногой в живот. Бабка захрипела.

– На, тварь, получай! – ревела обезумевшая Ульяна и продолжала бить Клавдию ногами.

В этот момент Мария услышала за собой странный звук. Создалось такое впечатление, что у нее за спиной упало поспевшее яблоко. Маша повернулась и увидела, что прямо у нее под ногами на земле лежит и корчится от боли серый голубь. Уловив подобное движение в стороне от себя, она увидела еще одну птицу, болтающую крыльями на земле. Третий голубь упал на траву уже на глазах у Марии. Она подняла глаза вверх и увидела, что ясное и солнечное утро внезапно потеряло краски, наполнилось тучами, и вниз стремятся еще три птицы-бомбы.

Вокруг никто ничего не замечал. Семен схватил жену и безуспешно пытался оттащить ее от Клавдии. Та вместе с дочерью лежала на земле и не шевелилась. Народ галдел, но в драку не лез.

Мария начала вертеть головой по сторонам в поисках того, кому можно было бы указать на происходящие вокруг события, и увидела Петю.

Мальчишка стоял в стороне от всех. Слез на его глазах уже не было. Он стоял, широко расставив ноги, яростно сузив глаза и вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. Рот его застыл в оскале. И Мария готова была побожиться, что он рычал.

Внезапно малыш резко сжал пальцы, и произошло сразу два события.

Во-первых: в небе громыхнуло, и молния ударила в купол собора.

Во-вторых: Ульяна мгновенно замолчала, вытаращила глаза, широко открыла рот и начала с усилием пытаться втянуть в себя воздух, прижав руки к горлу.

– Уль! Эй! Ты энто Што?, – растеряно промолвил Семен, – Ульян, тебе помочь?

В небе раздались еще два громовых раската, и еще две молнии ударили в крест собора. Дождя не пролилось ни капли.

Ульяна упала лицом вниз на землю рядом с женщинами, дико хрипя, и конвульсивно задергалась – как «припадочная». Семен присел возле нее и зачем-то стучал ей по спине. Примерно через минуту Ульяна затихла и замерла.

Мария перевела взгляд на Петю. Тот разжал и опустил руку.

С неба, как из ведра, обрушился ливень.

Глава 2.

– Я же сказал: никаких посетителей! Человек только в сознание пришел! Это не больница, а черт знает что! И не надо мне «тсыкать»! Не надо «тсыкать»! Что мне эта милиция! Я главврач больницы, в конце концов, меня нельзя дергать, как мальчишку-интерна туда-сюда! У меня операция! Кто вообще разрешил им заходить в мой кабинет?!

Голос за дверью стремительно приближался, и майор Терников, вздохнув, переглянулся с лейтенантом.

Мартынов был недавно назначен из числа выпускников Высшей школы МГБ СССР, но несмотря на свою относительную молодость, был очень исполнительным и въедливым подчиненным. Лишних вопросов не задавал, говорил всегда в тему, был достаточно грамотен, начитан, никогда не опаздывал и вел здоровый образ жизни, что, по мнению Терникова, рисовало ему приличную карьеру комитетчика в будущем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.